

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 808.1

Авидзба Р. Л.

аспирант

Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (г. Москва)

КАВКАЗ В ПИСЬМАХ БАРОНА Ф. Ф. ТОРНАУ К Д. А. МИЛЮТИНУ ЧАСТЬ I

Статья посвящена историческому и реальному комментарию впервые вводимых в научный оборот писем Ф. Ф. Торнау, адресованных другу и сослуживцу, генерал-фельдмаршалу Д. А. Милютину.

Как часть литературного наследия автора, письма Ф. Ф. Торнау существенно дополняют военную и творческую биографию автора.

Из всего многообразного тематического спектра отдельным блоком в эпистолярии автора выступают Кавказ и судьбы бывших сослуживцев, старых кавказцев, что очередной раз доказывает глубокое беспокойство и преданность кавказского офицера, разведчика, посвятившего 12 лет службе на Кавказе (с 1832 по 1844 гг.).

Ключевые слова и фразы: Россия, Кавказ, военная биография Ф. Ф. Торнау, Кавказская война, генерал-фельдмаршал Д. А. Милютин, эпистолярное наследие, старый кавказец, сослуживцы.

В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) в Собрании Генерального штаба в фонде №1 69 «Д. А. Милютин» сохраняется уникальная коллекция писем барона Ф. Ф. Торнау, адресованных выдающемуся военному историку и теоретику, военному министру России (1861—1881), генерал-фельдмаршалу, другу семьи и старинному товарищу Дмитрию Алексеевичу Милютину.

В Отдел рукописей переписка была передана в 1918—1920 гг. вместе с другими архивными материалами дочерями Д. А. Милютина, которые сначала хранили архив отца у себя.

Эпистолярный Ф. Ф. Торнау прежде нигде не публиковался и не был введен в научный оборот. Это более семидесяти документов, относящихся к периоду с 1844 по 1872 гг. В них отражены важные этапы военной истории России, свидетелем и участником которых был барон Ф. Ф. Торнау.

А. И. Герцен писал в «Былом и думах»: «Письма — больше чем воспоминанья, на них запеклась кровь событий, это — само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное». [1, т. VIII, с. 290]

Тщательно расшифрованы все выявленные эпистолярные документы, осуществлен их компьютерный набор, составлен комментарий к ключевым фрагментам текста.

Известное правило, сформулированное С. М. Бонди, гласит, что при расшифровке рукописного текста недопустим механический подход, который может привести к ошибкам; чтение документа без учета его смысла недопустимо. Письма Ф. Ф. Торнау в очередной раз подтверждают эту истину.

Почерк Ф. Ф. Торнау следует отнести к разряду своеобразных, нередко — сложных. В ходе работы с письмами выработался определенный почерковедческий навык, однако при этом потребовались разнообразные знания в области политической и военной истории России и Европы, географии, иностранных языков и проч. «Успех дела в значительной мере зависит от эрудированности исследователя, — писал А. Л. Гришунин. — Труднее всего читаются или вовсе не читаются именно те слова, которых читающий не знает, и такие тексты, в содержании которых читающий лишен возможности свободно ориентироваться вследствие недостаточного знания конкретной исторической обстановки, реалий и т.п.» [2, с. 81] На собственном опыте нам пришлось познать правоту этих слов.

В результате предпринятого исследования весь имеющийся свод писем Ф. Ф. Торнау оказался хронологически и тематически разделенным на два больших периода. Первый — с середины 1840-х гг. до середины 1850-х гг.; это годы, проведенные в лоне семьи в Москве и в нижегородском имении. Второй — с середины 1850-х гг. по начало 1870-х гг., когда Торнау как военный агент находился в Австрии, откуда посылал свои наблюдения Д. А. Милютину.

Военная служба, как можно убедиться по письмам, всегда оставалась для Ф. Ф. Торнау превыше всего. По старой привычке, он не мог не откликаться на то, что происходило в Генеральном штабе. Двенадцатилетняя служба на Кавказе и двухлетнее его пребывание в плену у горцев не оставляла равнодушным к судьбам старых кавказцев и Кавказу в том числе. Эта тема красной нитью проникает во многие его письма адресованные Д. А. Милютину.

По своему темпераменту и гражданской позиции барон Ф. Ф. Торнау всегда находился в эпицентре судьбоносных для отечества событий. В периоды наивысшей опасности для Российской империи, он мужественно выполнял долг защитника своего народа и своей страны.

Письма из Собрания Генерального штаба НИОР РГБ существенно дополняют сложившееся представление о Торнау как о писателе и убеждают в том, что успех его публикаций не был случаен. Как и в мемуарах, так и в эпистолярной Ф. Ф. Торнау предстает перед читателем талантливый художник слова с высоко развитым чувством прекрасного, с цепким глазом и аналитическим мышлением разведчика, тонким слухом увлекательного рассказчика, со строгой логикой изложения, выработанной многолетней военной службой; и все это на фоне блестящего образования, полученного в благородном пансионе при Царскосельском лицее. Более семидесяти документов являются самостоятельной частью наследия писателя, без которой оценка его творчества была бы неполной.

В ноябре 1842 г. барон Ф. Ф. Торнау женился на Екатерине Александровне Черкасской. Однако, состоя при штабе войск на Кавказской линии под начальством генерал-лейтенанта В. О. Гурко, Ф. Ф. Торнау вынужден был терпеть обычные в такой ситуации трудности: «...жена находилась в Тифлисе, дом и хозяйство оставались в Ставрополе, лошади прогуливались за Кубанью, сам я глядел в Дагестан — считалось на Кавказе случаем вседневным, над которым не стоило задумываться ни мгновение». [4, с. 429]

Осенью 1844 г. Ф. Ф. Торнау, «решившись навсегда покинуть Кавказ» [3, с. 378], выехал из Ставрополя в Москву.

Письма Ф. Ф. Торнау к Д. А. Милютину

1. <Ноябрь> 1844 г.

Любезный Дмитрий Алексеевич!

В первые дни после приезда моего в Москву, я не имел никакой возможности к Вам писать, так я устал и столько мне здесь представилось дела и поездок; но теперь не хочу себе отказать в удовольствии Вас уведомить о себе.

Мы из Ставрополя поехали на Харьков, и до этого города нашли прекрасную дорогу: погода равно нам благоприятствовала. Но от Харькова и дорога, и погода, становились хуже и хуже; начались починки у кареты, и мой человек заболел.

От Тулы же к Москве, особенно между Серпуховым и Москвою, дорога нестерпимо дурна, подвигались вперед шагом по недоконченному шоссе, на котором свеженасыпанный неукатанный камень дерет колеса и подбивает лошадей; или едешь объездом через поля и кустарник, по ухабам и болоту, рискуя каждое мгновение сломать экипаж и разбить себе голову. Никогда я не видел такой дурной дороги и таких мостиков, как между Серпуховым и Москвою; даже на Кавказе они лучше.

Здесь я еще ничего не мог предпринять касательно службы моей, потому что многие, с которыми я должен видаться, прежде чем что-либо предприму, не приехали из деревень, а я к ним ехать не могу, потому что карета моя в починке, а снежный путь еще не установили, хотя три дня тому уже в Москве выпал снег и все морозит. Здесь уже показалось несколько извозничьих санок, но все лучше ездить на колесах.

Касательно слухов московских о Кавказе могу Вам сказать, что здесь говорят то же самое, что говорили в отряде и в Ставрополе, рассказывают те же анекдоты и знают все малейшие подробности походов этих двух лет. [45]

Насчет Р. Б. и Кус, отзываются весьма дурно и удивляются слабости нашего генерала [25], который как человек пользуется прекрасною репутациею.

Меня все поздравляют с тем, что я оставил Кавказ, и, кажется, мои дела здесь примут выгодный для меня оборот; если я не найду здесь места, какого желаю, то выйду в отставку, и тогда пусть производят и жалуют кого хотят и как хотят.

В Ростове еще я узнал, что мой годовой отпуск вышел; не знаю я, определено ли мне содержание, и поэтому прошу Вас, Дмитрий Алексеевич, мне написать несколько слов.

Прошу Вас засвидетельствовать мое глубочайшее почтение Наталье Михайловне [21], Возьмите также на себя труд поклониться от меня Муравьеву [23], Сакену [26] и другим знакомым.

Прощайте, Дмитрий Алексеевич, не забывайте меня и будьте всегда уверены в искренней дружбе

всегда Вам преданного
Федора Торнау.

Теперь я хлопочу об квартире, нашел дом с антресолями, всего 12 комнат, чистый, красивый, около Красных ворот; и просят за него 1600 руб. ассигнациями в год, но я еще не решил-ся взять. Это не так, как в Ставрополе.

Итальянская труппа в Москве, все по ней сходят с ума, но я еще не успел побывать.

ОР РГБ. Ф. 169. К. 76. Ед. хр. 29. Л. 1 — 2 об.

2. 4 декабря 1844 г. Москва

Давно, любезный Дмитрий Алексеевич, я не имел от Вас никакого известия, кроме форменных бумаг. Не зная причины Вашего молчания, и не полагая, чтобы оно происходило от нехотения меня уведомить насчет себя и других моих кавказских знакомцев, пишу Вам вновь и прошу Вас написать мне хотя бы несколько строк о том, будете ли Вы к нам в Москву или нет, и когда. Мы, т.е. жена [46] и я, ожидаем Вас с нетерпением, и Вы найдете у нас в приезде Вам чистую и теплую комнату, если только захотите нам сделать удовольствие остановиться у нас.

Я здесь совершенно устроился и обмелировал квартиру, которую нанял в 3-ей Мещанской (близ Сухаревой башни) в доме коллежского советника Торопова. За пять жилых комнат, с передней, с двумя комнатами в мезонине и со всеми службами я плачу 1400 руб. ассигнациями в год.

Я совершенно надеюсь остаться здесь в Москве и отыскиваю место, что не совсем легко; но Бог даст, все сладится; имея год перед собою, есть время похлопотать.

Прошу Вас, Дмитрий Алексеевич, если увидите Унгерна [32], поблагодарите его за казака, которого я в самом непродолжительном времени отправлю обратно с верным случаем. Я ему напишу со следующей почтой.

Жена Вам кланяется, и я прошу Вас засвидетельствовать мое глубочайшее почтение Наталье Михайловне и поклониться всем моим знакомым. Прощайте, Дмитрий Алексеевич, приезжайте к нам и будьте уверены в искренней дружбе

всегда Вам преданного
Федора Торнау.

ОР РГБ. Ф. 169. К. 76. Ед. хр. 29. Л. 3 — 4 об.

3.14 декабря 1844 г. Москва

Ваше письмо, любезный Дмитрий Алексеевич, от 3 декабря я получил вчера вечером и очень ему обрадовался, потому что уже давно не имел от Вас никаких известий.

О Вашем перемещении я узнал вчера поутру от полковника Цеймерна [49], который здесь в Москве и просится в обер квартирмейстеры 6-го корпуса. Что ж удивительного, если назначат — после того, что Мильковского [20] назначили на Кавказ в 5-й корпус в замещение Менде [17], которого сместили (желал бы знать, за что именно).

Невзирая на то, что я здесь живу спокойно и совершенно доволен своею участью, Кавказ меня занимает столько же, сколько бы занимала часть устаревшей кокетки, которой отдал лучшее время своей жизни и которою был обманут.

Я с удовольствием узнал о назначении Фрейтага [48] дивизионным командиром; это, впрочем, несогласно со слухами, которые носились по Линии в мою бытность. Тогда дела Фрейтага находились не в лучшем положении; и надеялся командовать дивизиею и Центром Линии в одно время с Клюке [13], который мне на Кислых водах говорил, что Владимир Осипович [6] ему дал это обещание.

Получил ли Бибииков полка?

Здесь в Москве говорят много о перемене корпусного командира на Кавказе и замещают его то Герштенцвейгом [4], то князь Меншиковым [18]; нисколько не знаю, впрочем, достоверны ли эти слухи, знаю только, что Александр Иванович [25], желает оставить Кавказ, и это весьма понятно, да чем скорее он это сделает, тем будет лучше для него.

Вы меня спрашиваете, Дмитрий Алексеевич, получил ли я здесь место в Москве и имею ли что-либо в виду.

Место отыскать вакантное, выгодное и согласно с желаниями и наклонностями нелегко. Мне предлагали место полицеймейстера в Москве, говоря, что это весьма выгодно, но я отказался от него. Вы знаете, что я этих выгодных мест не понимаю, и только ищу место, которое бы мне представило более жалованья и столовые, которых я теперь не имею, и не какие-либо другие доходы. Имея год перед собою, я стану ждать у моря погоды, и быть может, к тому времени объяснятся дела мои, и я буду в состоянии действовать свободнее.

Пока я нанял квартиру, как я Вам уже писал, в 3-ей Мещанской, дом Торопова, обмоблировал ее и обзавелся всем хозяйством с твердым намерением не оставлять Москвы. Живу я во втором этаже, который занимаю весь, не имея соседей; внизу живет хозяин — бездетный вдовец, чиновник консистории [12]. Квартира моя чиста, красива и удобна — более для меня не нужно. Выезжаем мы редко, и жена сделала самое небольшое число необходимейших визитов; была раза два в итальянском спектакле (что, впрочем, не совсем дешево: 15 руб. сер. за ложу) и, кажется, совершенно довольна своей судьбой.

Завелся я двумя юными существами собачьей породы: белым пуделем — в удовольствие жене, и тернёв [41] — для себя, и теперь хлопочу об лошадях. Послезавтра я еду с женою дней на десять в деревню и потом до лета буду жить безвыездно в Москве.

Из наших господ я только встретил в Москве Рейхеля [34] и барона Дельвига [7].

Вы намерены выехать их Ставрополя весною, но когда?

Дороги делаются здесь проезжими не раньше мая, и в то время Дон в полном разливе. Зимой ехать трудно, но, мне кажется, все-таки удобнее, чем весною; разве Вы оставите Кавказ не раньше июля месяца — это самое лучшее время для езды, только жарко и пыльно. Вообще по дороге от Ставрополя до Москвы нет времени года, которое бы не представляло важных неудобств.

Конверт с аттестатом на прибавочное жалование я не получил — не знаю, почему; и очень Вас прошу мне написать, когда Вы его отправили. Когда я получу этот аттестат, то денежные мои разборы с Кавказом будут окончены. Осталась у меня еще лошадь у Чародеева, которую, я надеюсь, он продаст хоть за 125 руб. асс. и пришлет мне деньги. Здесь деньги нужны.

Прошу Вас, Дмитрий Алексеевич, засвидетельствовать моё глубочайшее почтение супруге Вашей и принять искреннее желание мое Вас увидеть в самом скором времени у себя.

Навсегда преданный Вам

Федор Торнау.

ОР РГБ. Ф. 169. К. 76. Ед. хр. 29. Л. 5 — 7 об.

4.16 января 1845 г. Москва

Последнее письмо Ваше, любезный Дмитрий Алексеевич, я получил дней пять тому назад, и если тотчас же не ответил, то потому, что в продолжение этого времени много имел хлопот. Мне снова предложили место, подобное прежнему; а именно: начальником управы благочиния; и я от него опять отказался. Меня бы охотно взяли на это место, но Вы хорошо поймете, почему я его не принял. Во-первых, я не хочу иметь никакого места, которое известно доходностью своею; и, во-вторых, не хочу находиться в прямых сношениях с господином обер-полицеймейстером.

Что дальше будет — не знаю, но я решился не выезжать из Москвы; и если не буду прикомандирован к здешнему корпусу, что также не большая находка, ибо не очень весело после 16 лет службы ездить по большим дорогам снимать маршруты, то возьму бессрочный отпуск, или выйду в отставку.

Что Вы скажете обо всех переменах на Кавказе? Дай Бог, чтобы все обратилось к лучшему; я независтлив и желаю все хорошее тем, которые вынуждены обстоятельствами служить на Кавказе. Не могу я только переносить прямых несправедливостей, и, признаться Вам, до сего времени меня

сердит то, что в прошлом году Неверовкий [24], Кутузов [5] и Капгер [11] получили надо мною старшинство. К чему же вели все ласки и любезности Владимир Осиповича [6]?

Кстати об нем: он получил Св. Александра в день Нового года, за что же Нейдгартд [25] остался без всего.

Здесь я поневоле должен жить, как говорят, в свете: ездить на вечера, балы, делать новые знакомства; а это чего стоит — поверить трудно, особенно женский туалет. Вы спросите меня, почему я это делаю; а я Вам отвечу, что по причине родственников, которых нельзя оставить, и у которых знакомишься со всею Москвою; а для чего я это делаю, сам не знаю, потому что ни я, ни жена не находим особенного удовольствия в шумных увеселениях света.

Недавно был у Ермолова Феодора [10], бал, самый блестящий, который я помню в Москве в течение четырех лет. Мы были на этом бале, несколько мгновений нас заняло это движение, этот блеск, а после осталось одна усталость и женино измятое платье. *Sic transit gloria mundi.* [Так приходит мирская слава (лат.)]

Клюке [13] проехал через Москву, но я его не видел. Здесь проживает недалеко от нас, в Спаских казармах, Мацнев. Он намерен, как кажется, вернуться на Кавказ, для того чтобы утешить Ивана Ивановича [8], погруженного в глубокую горечь бегством с линии всех письменных людей.

Жалею очень, Дмитрий Алексеевич, что Вы приедете к нам так поздно, но еще раз повторяю просьбу, чтобы Вы остановились у нас; в половине мая я надеюсь еще быть в Москве; и если б даже уехал в деревню, то верно к тому времени вернусь в город с женою, для того чтобы иметь удовольствие Вас видеть у себя. Что касается до разъездов, то Вы не беспокойтесь об этом, к Вашим услугам будут стоять у дверей пара очень хороших лошадей, которых Вы можете гонять сколько угодно, потому что они не собственно мои, а принадлежат извозчику, которого я нанимаю помесечно. Не захотите Вы ими пользоваться, так извозчик только даром будет стоять на дворе, потому что при величайшем желании я не могу чаще ездить, чем действительно езжу.

Видел я барона Рейхеля [34], который Вам, Дмитрий Алексеевич, свидетельствует свое почтение; он несколько не изменился, разве только стал несколько веселее, чем был на Кавказе.

Приезжайте, пожалуйста, и поскорее. Вы сами здесь поправитесь — и здоровьем, и станете веселее. Кланяйтесь, прошу Вас, всем старым знакомым, в особенности барону Сакену [26]. И свидетельствую глубочайшее мое почтение Вашей супруге и дочери, и прошу Вас, Дмитрий Алексеевич, не забывайте искренно Вас любящего и

Всегда Вам преданного

Федора Торнау

16 Января, 1845 г.

Москва.

Жена [9] извиняется перед Натальей Михайловной в том, что ей не пишет теперь, но она только что встала, и я боюсь, что письмо опоздает на почту.

ОР РГБ. Ф. 169. К. 76. Ед. хр. 29. Л. 8 — 10 об.

5. 4 февраля 1845 г. <Москва>

Ваше письмо, любезный Дмитрий Алексеевич, от 23 января я получил и с удовольствием принимаю на себя поручение отправить Ваши вещи в Петербург. Постарайтесь только Вы сами выехать пораньше из Ставрополя, для того чтобы не застали Вас в дороге распутица или ужасные ухабы, которые обыкновенно образуются к концу зимы.

Здесь, в Москве, все будет готово к приему Вашему, и я теперь уже позаботился на то время удержать Мольку для Вашей *барышни*, так что надеюсь и она останется довольною своим пребыванием в белокаменной, которую я сам очень люблю, хотя в ней иногда и томишься скукою, но зато живет в ней спокойно.

Вы не можете себе представить, Дмитрий Алексеевич, как все здесь уныло и безжизненно, хотя и пляшут каждый день, но все как будто полусонные, движутся, сами того не зная. Не полагайте, впрочем, чтобы я жаловался на свое положение; я совершенно доволен и не вздыхаю о Кавказе, я отдыхаю.

Не стану Вам писать о переменах на Кавказе Вы их узнаете без меня и, быть может, уже знаете; да могут ли они быть для Вас занимательны в то время, что Вы расстались с Кавказом

и с милым Иван Ивановичем, надеюсь, навсегда. Если он и не любезен, но он человек государственный, опытный воин, глубокий политик, одним словом, человек, который для людей обыкновенных, всedневных, служит такую же приманкою, как пугало, поставленное в саду для бедных воробьев. Оттого около него и вьются одни вороны и галки, которые одарены большею смелостью и меньшим чувством изящств.

Никого еще не встречал из господ, которые, Вы пишете, проехали через Ставрополь. Здесь проживает у Шевалдышева — *Хуцнев* [33] *знаменитый*, но я не имел еще удовольствия его видеть; находится здесь и князь Лобанов [15], которого я намерен отыскать.

Сделайте одолжение, Дмитрий Алексеевич, прислать мне формуляры двух моих денщиков, также, если получены будут, и листы; и не забыть перед отъездом, если увидите Чародеева, попросить его продать мою лошадь и прислать мне деньги.

Вы видите, как я нескромен, беспрестанно Вас отягощаю просьбами; но к кому отнесусь, если не к Вам? Вы весьма справедливы, говоря о местах, которые мне предлагали; и я решился по окончании отпуска просить о прикомандировании меня к 6 пехотному корпусу, а потом увижу, не будет ли возможность совершенно отбежать от службы.

Все мои помышления, все мои мечты останавливаются на том, чтобы поселиться где-нибудь в лесу, вдали от шума светского, и я в потерянные минуты черчу на бумаге план домиков всех возможных форм. Бог весть, осуществятся ли мои мечты, и найду ли я желанный покой, или жизнь моя обречена на тревоги, которыми я успел насытиться в течение 17 лет службы.

Здоровье мое поправилось и улучшается с каждым днем — без лечения, а от спокойной жизни.

В скором времени должен проехать через Москву Владимир Осипович [6]; постараюсь его увидеть. Беринг [43], адъютант бывший Александра Ивановича, невзирая на то, что он взял за женою 600 тыс., принял место полицеймейстера в Москве (что ни делает честолюбие); он искренно хочет быть величаем его превосходительством и добьется до этого. На здоровье ему.

В Английском клубе было сделался пожар, но успели потушить; сгорела только *chamber infernal* (адская или дьявольская комната — *фр.*), в которой, впрочем, уже перестали играть даже на мелок по причине совершенного безденежья.

Написал Вам все, что только есть нового в Москве. Прошу Вас принять уверение в искренней дружбе

совершенно Вам преданного

Федора Торнау.

Расспрашивала меня много об Вас и о Наталье Михайловне, которой прошу засвидетельствовать мое почтение, тетушка Ваша, княжна Урусова [47]; я ее часто вижу у княжны Черкасской.

ОР РГБ. Ф. 169. К. 76. Ед. хр. 29. Л. 11 — 13 об.

6. 24 июня 1845 г. <Москва>

Очень виноват перед Вами, почтеннейший Дмитрий Алексеевич, что не отвечал на Ваше первое письмо; так виноват, что и извиняться не стану, но надеюсь, что Вы не станете сердиться и простите моей лени, которая от московской жизни до того увеличилась, что я сам ее начинаю пугаться.

В продолжение последних полутора месяцев я ничего порядочного не сделал, ничего не прочитал, ничего не устроил, а только переваливался из города в деревню, из деревни в город, с женою и без жены, как случалось. В деревне обыкновенно гуляют мало, но едят очень много, желудок отягощается, и голова отказывается работать. В городе скачка на Кузнецком мосте, утренние визиты знакомым, вечерние вист и бостон у тетушек, гулянья в парке в Сокольниках, Сулье, Ромо и разные глупости того же рода отнимают все время.

Теперь же у меня сонный Черкасский [50], для которого это все новое, денег у него слишком много, и я поневоле должен с ним терять время по-пустому, для того чтобы он не попался в дурные руки и не связался с товарищами, которые помогут порядком очистить.

В этом отношении служба моя не легка, и я теперь, чтобы к Вам написать письмо, выбрал воскресенье, когда жена и все в церкви, зная, что в двенадцать часов уже я буду принадлежать не себе.

Мои дела, Дмитрий Алексеевич, еще не устроились, но скоро все должно быть приведено в порядок. Одного жажду, одного добиваюсь — покоя и тихой жизни в деревне. После тревожной молодости, проведенной мной за Дунаем, в Польше и на Кавказе, хочется очень отдохнуть, но и теперь не могу сказать, наверное, можно ли мне будет выйти в отставку в нынешнем году, или мне придется прослужить еще год при 6 пехотном корпусе.

Вчера и третьего дни мы провели в обществе матушки и сестры Натальи Михайловны у Крюковских [31], ездили осматривать Московский арсенал, гуляли по Кремлю; что до меня касается, то я очень весело провел эти минуты.

Как Вы, Дмитрий Алексеевич, проводите время в Петербурге? Я полагаю, что загородный воздух Вам и супруге Вшей все-таки приятней, чем душный Петербург.

В Москве, кроме трех свадеб, нет новостей; я думаю, впрочем, что слух о них дошел и до Петербурга, а именно: Иван Толстой, сын покойного графа Петра Александровича [44], женится на графине Строгановой [40]; княжна Елена Мещерская [19] выходит замуж за князя Бирона [2]; а знаменитая красавица Львова [38], вдова, за Дмитрия Розена [37], брата знакомого Вам Александра Розена [36].

Неверовского [24] я не видел в Москве и не знаю, проехал ли он с Кавказа. В Петербурге я не могу быть ранее августа месяца, без жены, и воспользуюсь Вашим приглашением только в таком случае, если это Вас нисколько не стеснит.

Прощайте, Дмитрий Алексеевич. Надеюсь, что Вы сохраните Вашу дружбу

Искренно Вас уважающему

Федору Торнау.

Прошу Вас засвидетельствовать мое глубочайшее почтение Вашей супруге.

ОР РГБ. Ф. 169. К. 76. Ед. хр. 29. Л. 14 — 15 об.

7. 10 сентября 1845 г. Москва

В моем последнем письме, почтеннейший, Дмитрий Алексеевич, я Вам писал о намерении моем проситься в бессрочный отпуск; ныне обстоятельства изменились; деньги, которые я должен получить, еще не выплачены, имение не куплено, и я намерен еще год прослужить, почему и отнесся рапортом с письмом к генералу Ризенкампу с просьбою о прикомандировании меня к 6-у пехотному корпусу. Надеюсь, мне в этом не откажут; иначе я вынужден буду просить отставки. Даже на счет своей поездки в Петербург нахожусь в совершенном недоумении: если капитал моей жены будет выплачен до 20 сентября, то я 23 или 24 буду в Петербурге, пользуясь последними днями годового отпуска, с тем, однако, чтобы к окончанию его, т.е. к 3 октябрю, вернуться в Москву. Если же деньги заставят себя ждать, то я попрошусь в октябре или ноябре на шесть дней в Петербург.

Здесь ожидают Государя Михаила Павловича [22], Великую княгиню Марью Николаевну [16] и герцога Лейхтенбергского [14] к началу будущего месяца.

В Москве, как всегда, к тому времени готовят разные увеселения, а город на некоторое время очень оживится. Теперь же все скучно и тихо, мы видимся часто только с родными да с Крюковскими.

О Кавказе говорили много, а теперь и перестали говорить. Если же кто из старых товарищей побывает у Вас, Дмитрий Алексеевич, то прошу, поклонитесь от меня. Прощайте, Дмитрий Алексеевич, желаю Вам, супруге и Вашей маленькой [35] быть здоровыми и веселыми по возможности.

Навсегда преданный Вам

Федор Торнау.

ОР РГБ. Ф. 169. К. 76. Ед. хр. 29. Л. 18 — 19 об.

8. 12 октября <1845 г.> Москва

Жена моя, почтеннейший Дмитрий Алексеевич, пишет к Вашей супруге, и я пользуюсь этим случаем, для того чтобы Вас поблагодарить за ласковый прием Ваш в Петербурге, и за приятные, к сожалению, только краткие мгновения, которые я провел в Вашем доме.

Обратное путешествие я совершил благополучно в дилижансе до Твери, дорогою только почувствовал сильный холод, не приняв противу него предварительно никаких мер. Вещи мои

были уложены, и я не знаю, как бы я согрелся, если бы не монахиня Вознесенского девичьего монастыря, которая меня снабдила теплыми шерстяными носками и подушкой; за то я давал подавание всем странствующим монахиням попадавшимися мне по дороге.

В Москве я нашел все по-старому и едва чувствую, что я служу; первые дни прошли в явлениях, и с того времени я сижу дома с распухшею щекою и с зубной болью, не позволяющими мне выезжать. Поэтому никого не вижу, ни о чем не слышу, а только хлопочу о своих домашних делах. Быть может, Дмитрий Алексеевич, другой скажет, что такого рода жизнь должна быть скучна и единообразна; я же ею нисколько не гнушаюсь и не променяю ее ни на шумные удовольствия Вашего города, ни на жизнь Кавказскую.

Видел я Алексей Петровича [30], который осведомлялся о Вас и приказал Вам передать поклон, чем и кончаю мое письмо, не желая отнять у Вас времени пустыми своими рассказами.

Прощайте, Дмитрий Алексеевич, прошу Вас засвидетельствовать мое почтение супруге Вашей, и всегда помните искренно Вас любящего и уважающего

Федора Торнау.

ОР РГБ. Ф. 169. К. 76. Ед. хр. 29. Л. 20 — 21 об.

9. 16 ноября 1846 г. Новая деревня [27]

Вы вправе на меня сердиться, Дмитрий Алексеевич, за то, что я к Вам так долго не писал, и я, нисколько не оправдываясь, винюсь перед Вами. Не привожу в оправдание себя ни болезни, ни дел и хлопот, последовавших за покупкой имения, ни переезды в деревню с женою, и перемещения всего хозяйства. Все это у меня много отняло времени, и я на время мог перестать к Вам писать, но никогда не забывал Вашей дружбы и того приятного времени, которое провел в Вашем обществе на Кавказе и в Петербурге.

Пишу к Вам из деревни, которую, как Вам уже должно быть известна, я купил с публичного торга в Московском откупском совете. По всему, что я до сего времени видел, и что узнал о своем имении, я покупкой доволен. Не могу еще сказать ничего положительного, потому что необходимо изучить имение, прежде чем его положительно можно оценить, и прежде чем на опыте дознаешь его качества и способы, которые у нас в России во всех имениях так мало развиты. Толкам, рассказам, даже прежним отчетам верить нельзя, потому что у нас во всем и везде вкрадывается обман, основанный на особенных личных расчетах, о которых человек, не владевший имением, не живший в деревне, не запутанный в долгах, и тяжёбных делах, и понятия не имеет. Я сам при покупке этого имения насчет одного участка земли обманут, хотя и получал в откупском совете; дело несправедливое, незаконное; но при совершении его формальность законная соблюдена, и кажется, что участвовавшие в оном останутся правыми. У нас так ловко получается.

Но оставим это, а расскажу Вам то, что я нашел в имении, за которое заплатил 200 тыс. руб. асс. Ревизских в нем 400 душ, земли в ней 3 186 десятин, частью песчаной и частью чернозема; строевого леса десятин двести, дровяного нет, но он здесь весьма дешев. Главный доход этого имения зависит от винокуренного завода в 120 тыс. ведер полугару [29], который я должен возобновить, потому что одни паровые, железо и медь могут идти в употребление, а вся деревянная посуда сгнила. Строение еще простоит лет десяток. Кроме того, есть в имении две мельницы, водяная и ветряная, которые я нашел в весьма хорошем виде.

Дом господский деревянный, совершенно новый, в два этажа, хорошей архитектуры, тепел и чист. Вы можете себе вообразить, Дмитрий Алексеевич, что нам двадцати комнат слишком довольно для помещения. У меня совершенно особое отделение, две комнаты: одна для одевания, а другая — кабинет. Последняя из них в три окна с выходом на балкон, обширная, и в ней находится камин, перед которым я каждое утро пью чай и после обеда курю, наслаждаясь настоящим покоем и иногда вспоминая о прежней тревожной жизни на Кавказе, которая мне становится смешною.

Часто спрашиваю себя, о чем я тогда хлопотал и чего добивался, и отчета себе дать не могу. Впрочем, развешенное на стене оружие и мой серый, знакомый Вам черкес, служит мне иногда и приятным воспоминанием о Кавказе.

Если вы, впрочем, полагаете, что я свое время провожу в лени, то ошибаетесь, Дмитрий Алексеевич, дела у меня пропасть. Поутру хлопочу с крестьянами, с управляющим, привожу все в порядок, хожу осматривать работы (в деревне вечно есть работы), езжу на гумно, где молотят хлеб, на мельницы, в деревню, потому что наш дом построен в трех верстах от деревни, в лесу, на самом берегу речки Теши [42], близ большой дороги между Арзамасом и Лукьяновым, в 18-ти верстах от последнего города. Новая же деревня лежит по самой большой дороге. Кроме того, черчу, рисую и по вечерам читаю, и много читаю.

С соседями я ни с кем не знаком, кроме некоего барона Аша, с которым виделся довольно редко, да с Дмитрием Розеном, женатым на вдове Львовой урожденной Ладыженской, поселившимся также в деревне в десяти верстах от нас. Со всем этим я нисколько не скучаю, хотя все кругом и покрыто снегом; жена поутру хлопочет по хозяйству, а вечером сидит у меня в кабинете и работает или читает.

Теперь я занят приготовлениями к перестройке завода и закупкою скотины, павшей нынешнего лета от заразы.

Что касается до крестьян, то я должен сказать, что они вообще довольно хорошей нравственности, хотя в семье не без уroda, но управлять ими хорошо, т. е. уравнивая выгоды крестьян с собственными и увеличивая их благосостояние не так легко, как кажется. Большая часть крестьян еще в таком невежестве, что с ними надобно управляться, как с маленькими детьми, заставлять их работать собственно для себя, соблюдать их домашние выгоды, иначе они при всевозможных угодах и средствах, даже к обогащению, от лени и нерадения, пьянства и других добрых качеств, станут умирать с голоду. Но даже пример соседей — умелых, промышленных, живущих с ними в одной деревне и наживающих деньги — на нас нисколько не действует. Во все должен входить помещик. Обо всем заботиться. Жениться хочет крестьянин и не находит невесты — он идет к помещику и просит найти ему жену; лошадь пала, корова не доится — к помещику, и надобно отыскивать способ ему помочь, не балуя.

Дал я одному мужику денег купить лошадь, на другой день явились десять просить денег. Вот быт помещика и крестьянина. Далеко этим людям до свободы; а кто защитит его, свободного, от чиновничества и земельных начальств, которые хуже всякой саранчи?

Служа в военной службе не ведаешь, не знаешь того, как водится и что делается по законам нашей России. Я теперь выдерживаю новый курс учения, хотя я и полагал, что в тридцать шесть лет достаточно обучен для того, чтобы уметь жить, а перед приказными я жалкий невежда, и так и смотри, что с ними попадешь впросак, действуя, как привык действовать доселе. И о помещиках можно бы было кое-что сказать, да уже умолчу; и так, я думаю, Вам надоел своим бесконечным письмом, в котором Вам рассказываю о вещах весьма мало занимательных.

Сделайте одолжение, Дмитрий Алексеевич, напишите кое-что о себе, да и о том, что делается в Петербурге и у нас в Генеральном штабе, ведь я все еще ношу военный мундир, и меня все еще занимают новости иногородние.

Жена моя свидетельствует свое почтение Наталье Михайловне и собирается к ней написать на этих днях.

Прощайте, Дмитрий Алексеевич, не забывайте, прошу Вас, искренно Вам преданного помещика Нижегородской губернии Лукьяновского уезда

Федора Торнау.

Адрес мой: Нижегородской губернии в г. Лукоянов.

Давно уже я писал в Департамент Генерального Штаба и просил о высылке мне формулярного списка, засвидетельствованного начальством, для представления его дворянскому предводителю губернии (по положению), но до сих пор не получил ответа. Сделайте одолжение, Дмитрий Алексеевич, при случае, напомните в департаменте о том, чтобы мне выслали просимый формулярный список.

ОР РГБ. Ф. 169.К. 76. Ед. хр. 29. Л. 36 — 40 об.

10. 1 марта 1847 г. Новая деревня [28]

Вы были весьма правы, Дмитрий Алексеевич, когда советовали мне присматривать за приведением в порядок моего формулярного списка, но я не мог воспользоваться Вашим советом, потому что увидел его только тогда, когда мне его принесли, а это было поутру, в час моего отъезда, и я ничего не мог более сделать. Не знаю, почему два года моей бытности на Кавказе, походы в Дагестан и в Чечню совершенно выключены из формулярного списка, и только сказано, что я получил Анну 2-ой степени за дело на Яксыке [39], а потом, что я уволен был в годовой отпуск. Не советуете ли Вы мне подать по сему предмету рапорт в департамент Генерального штаба, потому что если ныне этот пропуск и не составляет для меня большой обиды, но мне бы не хотелось видеть эти годы совершенно забытыми.

Что же остается для нашего самолюбия после всех тревог, опасностей и лишений, перенесенных в эти годы, если не отметка в формулярном списке, что мы там были и подставляли лоб наряду с другими.

Об обратном путешествии моем я могу Вам только рассказать, что я ехал чрезвычайно скоро, что страдал от холоду и от дурной дороги, и что совершенно счастлив тем, что, наконец, сижу у себя в теплом уголке подле жены.

В Москве я оставался недолго, хлопотал по делам и почти никого не видал. Об Кавказе мало говорят, и занимается им кажется один Алексей Петрович [30], который меня много расспрашивал о Вашем житье в Петербурге.

В деревне живется хорошо, и я бы был совершенно доволен, если б не происшествия. В отсутствии моем, мужик напился при проходе винного транспорта спирту и умер. Ныне в риге четыре человека по глупости своей угорели; трое спасены, а один умер; в деревне появилась прилипчивая горячка. Холода еще весьма сильны, и вчера поутру было 26°R стужи. Мы сидим дома, читаем и никого не видим; жду с нетерпением лета, потому что я только, может, и живу, имея возможность пользоваться свежим воздухом.

Прошу Вас, Дмитрий Алексеевич, засвидетельствовать мое глубочайшее почтение Наталье Михайловне, и не забывайте искренно Вам преданного и Вас любящего Федора Торнау.

Еще происшествие: сосед нашей деревни некто Кишенский, старик лет пятидесяти, заперся в своей молельной и, зажигая спичку фосфорическую, поджег халат свой, после чего найден мертвым с полусгоревшим лицом и обгорелым телом.

ОР РГБ. Ф. 169. К. 76. Ед. хр. 29. Л. 30 — 31 об.

11. 27 октября 1847 г. Новая деревня

Более полугода я к Вам не писал, почтеннейший Дмитрий Алексеевич, не потому чтобы Вас забыл, а потому что захлопотался с заводом, с поставками, в которых не имел удачи, и все время был в весьма в дурном расположении духа, и не совсем здоров. Лето у нас было прекрасное по погоде, хотя и неурожайное, и я бы провел его весело и спокойно, если б ко мне не навязался неугомонный сосед с тяжёлым делом.

Вы, Дмитрий Алексеевич, не проживав в деревне, себе не можете составить ясного понятия о том, что значит у нас иметь дело: все напасти кавказские, поход в Гергебилию [3]; пребывание на Даде — ничто перед исковым и следственным делом.

Я дела не затевал и был слишком прав, чтобы не выйти из него победителем, но чего мне это стоило; сколько я должен был ездить, хлопотать, справляться — и лето мое пропало, мои занятия остановились, я не успел снять моей дачи и привести полей в порядок. Наконец настала осень, я взял поставку вина и мог бы надеяться на небольшой барыш, если б не должен был делиться с полсветом: и винный пристав, и поверенный откупщика, и уездный суд, и земская полиция — все ищут участия в моем малом борении. И не полагайте, чтобы они с меня брали, потому что у меня происходит беспорядок; напротив, чем более у меня порядка, тем дела ведутся чище, тем более я подвергаюсь их негодованием, и тем более они меня тревожат и ко мне привязываются. *Дела нечистые* им пожива; те, за коими они водятся, дойные коровы чиновничества, которых оно бережёт и лелеет. На это Вы мне скажете: а на что же правосудие, на что высшие присутственные места, губернатор и т. д. Я же Вам отвечу, что всякая жа-

лоба на низшую инстанцию возвращается для переисследования к ней же, и что высшая инстанция судит о деле по изложению его низшим присутственным местом; рука руку моет, брат брата, чиновник чиновника не выдаст. Да к тому же чиновник, занимающий так называемое доходное место, боится жалоб и суда только первое время, пока он еще не нажился, а раз появились у него деньги, он перестает бояться, и черт ему не брат; хватятся за него, он поплатится, есть чем; очень плохо дело, ведь не повесят его, а выключат только из службы, и он продолжает жить в кругу себе подобных, которые его уважают, потому что у него есть деньги, да только похваляют его ум и ловкость. Чего же ему опасаться?

Помните Вы, Дмитрий Алексеевич, как я спорил с Арапетовым [1] насчет положения крестьян. Теперь, пожив в деревне и осмотревшись, соглашаюсь в том, что каковы бы ни были последствия перемены, в его положении они все более принесут пользы, чем вреда в отношении всей народной массы. Но отняв власть у помещиков, к кому она перейдет для удержания толпы в повиновении, потому что над нею должна быть власть, поддержанная материальною силою, ибо у нас народ еще не приготовлен к тому, чтобы преклоняться перед словом закона. Власть тогда должна будет находиться в руках присутственных мест низших инстанций — земских судов станowych и т. под.; а из каких людей составлены эти присутственные места — из мелкопоместных помещиков, кутейников, приказных, которые не имеют ни образования, ни понятия о чести, ни совести, ни человечества; которые с крестьянином обращаются, как с животным, и всегда прикроют того, кто с крестьянином действует по их понятиям, чему я имею пример в своем соседстве. Теперь дурной помещик, по выставленным мною причинам, вопреки законам имеет всю возможность угнетать крестьянина, но за то порядочный человек имеет право и возможность его хоть несколько защитить от притеснений приказных и может упрочить его благосостояние, сколько оно возможно в крепостном состоянии. Правда, воля разобьет понятия крестьян, породит в них дух промышленности, не стесненный мыслью о неимении собственности, остановит угнетения некоторого числа помещиков; но чем оградится эта воля от влияния непосредственного, которое по силе обстоятельств должен будет приобрести над нею класс людей, о которых я говорил выше. Вот вопрос, которого я не беру на себя заручиться, и который меня очень занимает, между тем как я начинаю чувствовать необходимость перемены состояния крестьян. Потеряем ли мы, помещики от этого или нет — не знаю; но мне кажется, что с переменою состояния крестьян только изменятся наши расчеты, а результат будет тот же. Теперь помещики, за исключением небольшого числа, все основывают свои расчеты на производительных силах крестьян; имение ценится по числу человек, а не по земле, как паровая машина — по количеству сил; а тогда хозяйственные расчеты помещик должен будет основывать на производительных силах земли и на собственном труде. Разумеется, это не сподручно нашей высокопомещичьей лени и несоответственно с достоинством столбового дворянина, которому приличным занятием только могут быть игра в карты, охота, сплетни, тяжбы да искательства по передним людям значущих; и трудиться — как это можно?!

Вот, Дмитрий Алексеевич, два листа рассуждений о предмете довольно важном, но не менее того весьма скучном, которые породила однообразная деревенская жизнь и некоторый опыт, который я здесь приобрел. Да, здесь в деревне не об чем думать и писать, как о хозяйстве и о наших ближайших отношениях, разве еще о холере, которой все боятся, которая несколько раз появлялась в нашем уезде, но, благодаря Бога, наконец, удалилась.

Вы не можете себе представить, в какой глуши мы здесь живем; ничего не знаю я о том, что происходит в свете; и если б не «Московские ведомости», напоминающие мне от времени до времени о старых товарищах, получающих назначения, производимых в чины, то и я бы совершенно забыл, о том, что существует департамент Генерального штаба.

Если Вы найдете свободную минуту, то напишите, пожалуйста, о том, что Вы делаете, и как Ваши дела идут.

Прошу засвидетельствовать мое глубочайшее почтение Наталье Михайловне, которой моя жена очень кланяется, и не забывайте помещика Нижегородской губернии, всегда Вас любящего и уважающего

Федора Торнау.

ОР РГБ. Ф. 169. К. 76. Ед. хр. 29. Л. 24 — 29 об.

Комментарий к письмам:

Арапетов Иван Павлович (1811—1887) — один из видных российских деятелей эпохи освобождения крестьян. С 1856 г. — директор канцелярии министерства уделов Российской империи.

Бирон Каликст принц Курляндский (1817—1882) — 6 августа 1845 в браке с Еленой Васильевной Бирон Курляндская (урожд. Мещерская) (1845—1905 г.) — дочь действительного статского советника, камергера князя Василия Ивановича Мещерского (1791—1871) и Шарлотты Борисовны, урожд. баронессы Фитингоф (?—1841).

Гергебиль — кавказское село, в котором в 1842 г. было основано военное укрепление русской армии, захваченное осенью 1843 г. горцами под командованием имама Шамиля.

Герстенцвейг (Геритенцвейг) Даниил Александрович (1790—1848) — генерал от артиллерии, командующий артиллерией Гвардейского корпуса.

Голенищев-Кутузов Василий Иванович (1814—1879) — участник Кавказской войны, в Генеральном штабе с 1836 по 1846 гг., полковник.

Гурко (Ромейко-Гурко) Владимир Осипович (Иосифович) (1795—1852) — генерал от инфантерии, начальник всех резервных и запасных войск. В 1844 г. принимал деятельное участие в операциях в Чечне, где заложил крепость Воздвиженскую. С приездом в 1845 г. на Кавказ Воронцова Гурко был назначен начальником штаба отдельного кавказского корпуса. Участием в Даргинской экспедиции закончилась боевая служба Гурко.

Дельвиц Николай Иванович, барон (1814—1870) — русский генерал, участник Кавказских походов и Крымской войны.

Дибич Иван Иванович (или Йоханн Карл Фридрих Антон) (1785—1831), в 1813—1814 гг. генерал-квартирмейстер Действующей армии, с 1815 г. начальник штаба 1-й армии, генерал от инфантерии, с 1823 г. начальник Главного штаба, генерал-адъютант, с 1828 г. командующий Действующей армией, генерал-фельдмаршал (1829), граф Забалканский.

Дружны были и жены: Екатерина Александровна Торнау (урожд. Черкасская) и Наталья Михайловна Милютина (урожд. Понсэ). Дружеские отношения зародились в период пребывания семей в Ставрополе (1843—1844), и часто в последующие годы в письмах Ф. Ф. Торнау нет-нет да и возникают воспоминания о ставропольской жизни. Екатерина Александровна и Наталья Михайловна нередко прикладывали свои письма к письмам своих мужей, и наоборот.

Ермолов Феодор Александрович (1796—1845) — адъютант Московского генерал-губернатора Д. В. Голицына (1824). В его доме собиралось высшее московское общество; жил богато и гостеприимно.

Капгер Александр Христианович (1809—1876) — генерал-лейтенант. Переведённый в 1840 г. в Генеральный штаб; с 1842 г. в составе Кавказского корпуса во множестве дел с горцами в Дагестане и на Лезгинской линии.

Консистерия (лат. *consistorium*) — учреждение при епархиальном архиерее с административными судебными функциями. В дореволюционной России бракоразводные дела были подчинены консистории.

Клюки-фон-Клугенау (Клюгенау) Франц Карлович (1791—1851) — один из ключевых русских военачальников времени Кавказской войны, герой штурма Ахульго. В 1844 г. произведён в генерал-лейтенанты. В 1845 г. принял участие в экспедиции к Дарго, где, оказавшись в опасном положении, всех ободрял своим личным примером.

Лейхтенбергский Максимилиан — *Максимилиан Иосиф Евгений Август Наполеон Богарне* (1817—1852) — член русской императорской фамилии, супруг Марии Николаевны, дочери Николая I.

Лобанов-Ростовский Михаил Борисович — в 1843 г. был произведен в прапорщики, а в середине 1844 г. — в поручики Драгунского полка. Воевал в составе Чеченского отряда, направлявшегося из крепости Грозной и Урус-Мартана к аулу Гехам и навстречу Назрановскому отряду. За дела против горцев наградили орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом. 19 мая 1844 года ружейная пуля повредила князю левую руку, и он, не окончив похода,

да с отрядом генерал-лейтенанта Нейдгардта, по причине болезни от раны, возвратился в июле 1844 г. от Буртаная в крепость Грозную.

Мария Николаевна (1819—1876) — дочь русского императора Николай I и сестра Александр II; герцогиня Лейхтенбергская.

Менде Александр Иванович (1800—1868) — генерал-лейтенант, картограф. Служил на Кавказе, затем в картографическом департаменте, позже управлял вдовьим домом и учебной частью московских институтов.

Меншиков Александр Сергеевич (1787—1869) — князь, адмирал, до 1855 г. командовал русской армией в Крыму.

Мещерская Елена Васильевна (Бирон Курляндская) (1819—?) — дочь действительного статского советника, камергера князя Василия Ивановича Мещерского (1791—1871) и Шарлотты Борисовны, урожд. баронессы Фитингоф (?—1841). С 1845 замужем за принцем Курляндским Каликстом Бироном (1817—1882).

Милюковский Евгений Петрович — в 1845 г. полковник генерального штаба, оберквартирмейстер 5-го пехотного корпуса, исправляющий должность начальника штаба этого корпуса, в Даргинской экспедиции — начальник штаба Чеченского отряда; позднее оберквартирмейстер 5-го и 1-го пехотных корпусов; вышел в отставку в 1861 в чине генерал-лейтенанта.

Милютин (Понсэ) Наталья Михайловна (1821—1912) — графиня, жена военного министра, генерал-фельдмаршала гр. Д. А. Милютин. В 1865 г. Наталья Михайловна встречалась с Ф. М. Достоевским в Петербурге в доме родных Анны Васильевны Корвин-Круковской и Софьи Васильевны Ковалевской (урожд. Корвин-Круковская). Родители *Натальи Михайловны Милютиной (Понсе)* — отец генерал *Михаил Иванович Понсет (Понсе)*, мать *Понсэт Фредерике (Friederike)*. *Понсет Евгений Михайлович* (1818—1909) — генерал-майор (08.06.1864), генерал-лейтенант (07.10.1871) брат *Натальи Михайловны Милютиной (Понсе)*.

Михаил Павлович Великий князь (1798—1849) — младший брат императоров Александр I и Николай I.

Муравьёв-Карский Николай Николаевич (1794—1866) — русский военачальник, дипломат и путешественник из рода *Муравьёвых*. Кавказский наместник (1854—1856). За взятие Карса во время Крымской войны получил почетное прозвище «Карский» По окончании войны вышел в отставку в чине генерала от инфантерии.

Неверовский Александр Андреевич (1818—1864) — русский генерал-лейтенант, участник Крымской войны.

Нейдгардт Александр Иванович (1784—1845) — российский государственный и военный деятель, дипломат, генерал-адъютант (1825), генерал-квартирмейстер Главного штаба Его Императорского Величества (апрель 1830 — январь 1834), генерал от инфантерии (1841). С октября 1842 г. — Главноуправляющий Закавказским краем и командир Отдельного Кавказского корпуса. В 1844 г. покинул Кавказ.

Остен-Сакен Дмитрий Ерофеевич, барон (1789/90—1881) — генерал-адъютант, участник многих воин и военных кампаний (поход против Наполеона, Кавказская война, Крымская война). С ноября 1854 г. — начальник севастопольского гарнизона.

Ответное письмо Д. А. Милютин Ф. Ф. Торнау датируется 1 января 1847 г.

Ответное письмо Д. А. Милютин Ф. Ф. Торнау датируется 15 марта 1847 г.

Полугар — эталон крепости водки в Российской империи (около 38 % спирта по объёму) до появления в середине XIX века спиртомеров

Предположительно, *Ермолов Алексей Петрович* (1777—1861) — русский военачальник и государственный деятель, участник многих крупных войн. Генерал от инфантерии (1818 г.) и генерал от артиллерии (1837 г.). Главнокомандующий на первом этапе Кавказской войны (до 1827 г.). С началом Крымской войны в конце 1853 г. 76-летний Ермолов был избран начальником государственного ополчения в семи губерниях, но принял эту должность только по Москве. В мае 1855 г. из-за старости покинул этот пост.

Предположительно, речь идет о родственниках *Натальи Михайловны Милютиной* — о Корвин-Круковских, в письмах же Ф. Ф. Торнау упоминает как о семье Крюковских.

Предположительно, *Унгерн-Штернберг Александр Борисович*, барон (1818—1869 гг.) — губернский секретарь, проживавший с женой, Софией Александровной (ур. Леонтьевой) в г. Ставрополе.

Предположительно, *Хуциеве В. С.* — офицер казачьих войск (1810—1860 гг.).

Рейхель Сергей Иванович, барон (1807—?) — генерал-лейтенант. В 1832 г. — произведен в ротмистры, 1839 г. — в полковники, а 1841 г. — назначен командиром Кирасирского Ее Высочества В. Кн. Марии Николаевны полка, но до отправления к месту назначения, был зачислен обратно в Конный полк. В 1847 г. — произведен в генерал-майоры, в 1849 г. — назначен состоять при резервном гвардейском кавалерийском корпусе, в 1850 г. назначен командующим 1-ой бригадой 2-ой легкой Гвардейской Кавалерийской Дивизии, в следующем году утвержден в этой должности, 11 июля 1856 г. зачислен по армейской кавалерии с отчислением от занимаемой должности, а в 1856 г. — произведен в генерал-лейтенанты с увольнением от службы.

Речь идет о старшей дочери Д. А. Милютинина — Елизавете (1844—1938).

Розен Александр Григорьевич (1812—1874) — барон, старший сын генерала от инфантерии Г. В. Розена, отличившийся во время штурма Варшавы в 1831 г. В 1842 г., будучи штабс-капитаном, барон Розен по высочайшему повелению предан суду за то, что, испросив разрешение Николая I, женился на дочери генерал-лейтенанта В. Д. Иловайского, не имея на то законного свидетельства её отца. По высочайшей конфирмации 25 июня 1842 г. переведён майором в Апшеронский пехотный полк и лишён звания флигель-адъютанта. 13 марта 1843 г. зачислен по армейской кавалерии, с назначением состоять при Кавказском линейном казачьем войске. На Кавказе ему неоднократно довелось принимать участие в боях с горцами.

Розен Дмитрий Григорьевич (1815—1885) — барон, штаб-ротмистр, однополчанин М. Ю. Лермонтова по лейб-гвардии гусарскому полку (1836—1848); адъютант светлейшего князя Д. В. Голицына.

Розен Мария Федоровна, урожд. Ладыженская, в первом браке Львова.

Столкновение русской армии с горцами на речке Яксык произошло 15 июля 1843 г.

Строганова Софья Сергеевна — графиня, 8 июля 1845 брак: Иван Петрович Толстой.

Тернёв то же, что и Ньюфаундленд (Newfoundland dog) — порода крупных длинношерстных собак, которые использовались для спасения утопающих; водолаз.

Тёша — правый приток Оки.

Тимашев-Беринг Алексей Александрович (1812— 872) — московский обер-полицмейстер и вице-губернатор. До 1844 г. состоял в отдельном Кавказском корпусе.

Толстой Пётр Александрович (1770—1844) — граф, военный деятель эпохи Наполеоновских войн, генерал от инфантерии, кавалер всех российских орденов. В 1803—1805 гг. Санкт-Петербургский военный губернатор.

Торнау Ф. Ф. принимал участие в сражении на Гергебиле 28 октября (8 ноября) 1843 г.; в 1844 г. под командованием Р. К. Фрейтага принимал участие в чеченской экспедиции в должности отрядного обер-квартирмейстера.

Торнау Екатерина Александровна (урожд. Черкасская) — дочь Александра Борисовича Черкасского и Варвары Григорьевны Черкасской (урожд. Филиппова). В послужном списке Ф. Ф. Торнау (ЦГВИА, ф. 400, отд. 8, ст. 2, оп. 173, д. 37, л. 15 об.) указано, что он был женат «на купеческой дочери Екатерине Александровне». Считаем это ошибочным; Екатерина Александровна была дворянского происхождения из адыгского (черкесский) княжеского рода.

Урусова Софья Александровна (1804—1889) — княжна, в замужестве княгиня Радзивилл — известная светская красавица, фрейлина, фаворитка Николая I.

Фрейтаг Роберт Карлович (1802—1851) — офицер, участник кавказских войн. В 1840 г. получил в командование Куринский пехотный полк. В 1842 г. Фрейтагу был получен небольшой отдельный отряд для защиты от вторжения горцев Кумыкской равнины. В конце того же года назначен начальником левого фланга Кавказской линии. В ноябре 1843 г. с отрядом в 1400 казаков, в 4 батальона пехоты и 16 орудий, выступил против горцев и остановил армию Шамиля у селения Казанищи. В 1845 г. спас отряд Воронцова от окончательного уничтожения в неудачной для русских экспедиции в Дарго.

Цеймерн Николай Карлович (1800—1875) — русский генерал-лейтенант, участник Кавказской войны.

Черкасский Борис Александрович брат Екатерины Александровны Торнау (урожд. Черкасская) (1828—1885) — князь, прапорщик (1855), князь. Служил к 1855 в Финляндских строевых батальонах. Позднее — камер-юнкер, коллежский асессор, чиновник особых поручений Министерства внутренних дел, шталмейстер двора императора, губернский секретарь. Проживал в Московской губернии. Был женат на дочери директора московского кадетского корпуса генерал-майора Ушакова Петра Сергеевича — Елене Петровне.

Работа подготовлена при поддержке гранта № 15-04-00341 РГНФ.

Список литературы

1. Герцен А.И. Полн. собр. соч. В 30 т. М., 1954—1965. Т. VIII. С. 290.
2. Гришунин А. Л. Принципы передачи эпистолярных текстов в печати // Принципы издания эпистолярных текстов. Вопросы текстологии. М., 1964. Вып. 3. С. 81.
3. Торнау Ф. Ф. Воспоминания бывшего кавказца // Воспоминания русского офицера. М., 2002. С. 378.
4. Торнау Ф. Ф. Гергебиль // «Русский архив», М.: Унив. тип. М. Каткова, 1881. кн. II (2), № 3/4, год девятнадцатый, С. 429.

УДК 8; 81'37

Лавошникова Ю. А.

аспирант кафедры русского языка

Брянский государственный университет (Россия, г. Брянск)

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО «ТОМИТЬ» В ЯЗЫКЕ ПОЭЗИИ Ф. И. ТЮТЧЕВА

В статье рассматриваются особенности метафорического употребления лексем словообразовательного гнезда «Томить», которое является одной из частей сложно построенной системы выразительности языка поэзии Ф. И. Тютчева. Своеобразие данных словоформ является одной из черт метафорической тютчевской лексики.

Ключевые слова: Ф. И. Тютчев, метафора, словообразовательное гнездо.

Ф. И. Тютчев – поэт переходных состояний, в природе он предпочитал осень, раннее утро или ночь, а яркие и, казалось бы, однозначные человеческие эмоции мог описать в полутонах, давая возможность для различных толкований. Даже редко употребляемые в его поэтических текстах слова способны на семантическое движение, причём, чаще всего по антропоморфному принципу, то есть, первое значение относится строго к человеку, а второе осуществляет метафорический перенос эмоций и состояний людей на объекты природы.

Рассмотрим употребление словообразовательного гнезда глагола *томить*, куда (по Тютчеву) входят лексемы *томиться*, *томясь*, *томимый*, *томление*, *томный*. Данные словоформы отражают семантику *эмоционального движения*, так основаны на глагольности. Именно поэтому в ряду лексем наиболее распространёнными являются глагол (9 употреблений) и причастие, совмещающее признак и действие (4). Интересно, что ведущей семой для данного словообразовательного гнезда является *несамостоятельность*, *подчинённость*. «Поэтический словарь Ф. И. Тютчева» указывает, что *томиться* – это 1. ‘испытывать длительные, изнуряющие мучения’, *томимый* – 2. ‘исполненный нравственными страданиями, мучительными переживаниями, тяжёлыми сомнениями’, *томясь* – ‘испытывая душевные страдания’ [1, с. 813-814]. Таким образом, становится понятно, что томление – это нечто, привносимое из вне, душевное колебание должно быть чем-то вызвано, оно не может появиться само по себе: *Страдай, томись, злодей, ты жертва адской мести!* («На Новый 1816 год») [2, с. 46], *Как тот, что жгучею тоскою / Томился по краю родном...* («Нет дня, чтобы душа не ныла...») [2, с. 224], *И не томясь, не мучась доле, Я просиял бы – и погас!* («Как над горячею золою...») [Тютчев: 104] *И пред душой, тоской томимой, / Всё от же взор неотразимый...* («Е. Н. Анненковой») [2, с. 202]. Тютчевские контексты отражают мысль, что человек может *томиться* в результате душевных трагедий, утрат и боли, которые представлены чаще всего